

УДК 343.137

**ПРЕДЕЛЫ СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ
ОСОБОГО ПОРЯДКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
(ГЛАВА 40 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ):
ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ****Екатерина Сергеевна Азарова**

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, aes2404@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию пределов судебного усмотрения при рассмотрении уголовных дел в особом порядке судебного разбирательства, закрепленном главой 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена высокой долей дел, рассматриваемых в данной процедуре, и наличием фундаментальных противоречий между упрощением процессуальной формы и необходимостью обеспечения законности, обоснованности и справедливости судебного решения. Цель работы — выявление системных противоречий реализации судебного усмотрения в особом порядке и разработка предложений по их преодолению. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания (диалектический, анализа и синтеза, системный), а также специально-юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм. Использован системный анализ норм главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, теоретических положений уголовно-процессуальной доктрины и материалов судебной практики. В статье утверждается, что особый порядок судебного разбирательства порождает фундаментальное противоречие между обязанностью суда установить обоснованность обвинения (ч. 7 ст. 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) и законодательным запретом на исследование и оценку доказательств в судебном заседании (ч. 5 ст. 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Проанализирована система пределов судебного усмотрения в особом порядке, включающая нормативные (категория преступления, добровольность ходатайства, запрет на исследование доказательств, пределы назначения наказания), процессуальные (обязательность судебного заседания, право на защиту, требование мотивировки приговора) и субъективно-этические (внутреннее убеждение, справедливость) ограничители. Существующая процессуальная конструкция особого порядка создает объективные противоречия, приводящие к смещению центра тяжести судебного познания на досудебную стадию. Для преодоления выявленных противоречий необходимы: уточнение критериев «достаточности доказательств» в ст. 315 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; закрепление более детальной процедуры проверки добровольности ходатайства; предоставление суду права частичного исследования доказательств при возникновении сомнений в обоснованности обвинения; повышение стандартов мотивировки приговоров; стимулирование судей к более активному использованию права на прекращение особого порядка при возникновении малейших сомнений.

Ключевые слова: судебное усмотрение, особый порядок, глава 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, пределы усмотрения, внутреннее убеждение, оценка доказательств, обоснованность обвинения, согласие с обвинением, упрощенные процедуры, справедливость правосудия

Для цитирования: Азарова Е. С. Пределы судебного усмотрения при реализации особого порядка уголовного судопроизводства (глава 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации): противоречия и пути их преодоления // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 52—60.

**LIMITS OF JUDICIAL DISCRETION, WHILE IMPLEMENTING
SPECIAL PROCEDURE FOR CRIMINAL PROCEEDINGS
(CHAPTER 40 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION):
CONTRADICTIONS AND WAYS TO OVERCOME THEM**

Yekaterina Sergeyevna Azarova

Volgograd State University, Volgograd, Russia, aes2404@yandex.ru

Abstract. This article deals with the limits of judicial discretion in criminal cases under the special procedure established by Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The topical nature of this article is determined by high proportion of the cases to be heard under this procedure as well as the existence of fundamental contradictions between procedural simplification and the necessity to ensure legality, validity and fairness of a judicial decision. The purpose of this work is to identify systemic contradictions, while implementing judicial discretion under a special procedure and to develop proposals to overcome them. The methodological basis of the work is formed by general scientific methods of cognition (dialectical, analysis and synthesis, systemic) as well as specific legal methods: formal-legal, comparative-legal and the method of interpretation of legal norms. A systemic analysis of the provisions of Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, theoretical provisions of the criminal procedure doctrine and judicial practice are used. The author of the article argues that the special procedure for judicial proceedings gives rise to a fundamental contradiction between the court's obligation to establish the validity of the charge (Part 7 of Article 316 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) and the legislative prohibition to examine and evaluate evidence in court (Part 5 of Article 316 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). The author of the article analyzes the limits of judicial discretion in the special procedure, including regulatory (crime category, voluntary nature of the petition, prohibition to examine evidence, limits to impose punishment), procedural (mandatory nature of the court hearing, right to defense, requirement for a reasoned verdict) and subjective-ethical (inner conviction, fairness) constraints. The existing procedural structure of the special procedure creates objective contradictions leading to a shift in the center of seriousness of judicial inquiry to the pre-trial stage. To overcome these contradictions it is necessary to: clarify the criteria for "sufficiency of evidence" in Article 315 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; establish a more detailed procedure for verifying the voluntariness of a petition; grant the court the right to examine partially evidence if doubts arise regarding the validity of the charge; improve the standards for reasoned verdicts; encourage judges to use more actively the right to terminate the special procedure when the slightest doubt arises.

Keywords: judicial discretion, special procedure, Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, limits of discretion, internal conviction, evaluation of evidence, validity of the charge, agreement with the charge, simplified procedures, fairness of justice

For citation: Azarova Ye. S. Limits of judicial discretion, while implementing special procedure for criminal proceedings (chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation): contradictions and ways to overcome them. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 52—60, 2026. (In Russ.).

Институт особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, регламентированный главой 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), занимает особое место в современной системе уголовного судопроизводства. Введенный Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ, он стал одним из наиболее востребованных процессуальных институтов: по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в особом порядке ежегодно рассматривается более 60 % уголовных дел,

поступающих в суды общей юрисдикции. Столь широкое применение обусловлено стремлением законодателя к оптимизации уголовного судопроизводства, экономии процессуальных ресурсов и реализации компромиссных начал в уголовном процессе.

Однако практика применения данного института выявила комплекс системных проблем, связанных с реализацией судебного усмотрения. Особый порядок судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) представляет собой уникальный институт, в рамках которого судебное усмотрение приобретает особые характеристики [1, с. 142]. Центральной

проблемой является определение границ дискреционных полномочий суда, которые, с одной стороны, не должны сводить процедуру к формальной констатации воли обвиняемого, а с другой — обязаны гарантировать соблюдение его фундаментальных прав.

Актуальность темы исследования обусловлена значительной долей дел, рассматриваемых в особом порядке, в общей структуре судебной нагрузки, а также наличием фундаментальных противоречий между целью ускорения процедуры и необходимостью обеспечения законности, обоснованности и справедливости судебного решения. Упрощенные формы судопроизводства не обеспечивают выполнения правоприменителем положений о назначении уголовного судопроизводства в Российской Федерации в том числе из-за ограничения процессуальных полномочий судьи [1, с. 164].

Цель настоящей статьи — комплексный анализ пределов судебного усмотрения при рассмотрении уголовных дел в особом порядке, выявление системных противоречий правового регулирования и разработка предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Особый порядок судебного разбирательства представляет собой специальную процедуру, применяемую по ходатайству обвиняемого при наличии совокупности условий, перечисленных в ст. 314 УПК РФ. Его сущность заключается в упрощении судебной процедуры в обмен на согласие обвиняемого с предъявленным обвинением и, как следствие, на смягчение назначаемого наказания (не более двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление).

С точки зрения теории уголовного процесса особый порядок является формой реализации диспозитивных начал, позволяющей сторонам избежать длительной и трудоемкой процедуры судебного следствия. Однако это упрощение не должно затрагивать фундаментальные основы правосудия, к которым относится установление объективной истины по делу и обеспечение прав личности. Как отмечает Л. В. Головкин, «упрощение процесса не должно подменять правосудие суррогатными формами, где суд превращается в простого регистратора согласия сторон» [2, с. 28].

Роль суда в данном процессе трансформируется. Из активного субъекта, исследующего доказательства и устанавливающего истину, он в значительной степени превращается в арбитра,

проверяющего добровольность и осознанность ходатайства обвиняемого, а также достаточность доказательственной базы для подтверждения обвинения. Именно в этой проверке и заключается основное поле для реализации судебного усмотрения.

Усмотрение суда в особом порядке — это прежде всего усмотрение в пользу прав личности. Его основная функция — сдерживать потенциальный произвол обвинительной власти, выступая фильтром для незаконных и несоразмерных ограничений [3, с. 94]. Однако законодательная конструкция особого порядка создает для реализации этой функции серьезные препятствия.

Усмотрение суда в особом порядке обладает значительной спецификой по сравнению с общим порядком судопроизводства. Эта специфика обусловлена двумя ключевыми факторами.

Во-первых, запретом на исследование доказательств. В соответствии с ч. 5 ст. 316 УПК РФ в судебном заседании не производится исследование и оценка доказательств, собранных по уголовному делу. Это лишает судью основного инструмента для формирования внутреннего убеждения традиционным путем — через непосредственное восприятие доказательств в условиях состязательной процедуры. Суд может исследовать лишь обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Во-вторых, невозможностью постановления оправдательного приговора. Системное толкование норм гл. 40 УПК РФ приводит к выводу о том, что постановление оправдательного приговора в особом порядке исключено. Если суд придет к выводу о невиновности подсудимого, он обязан прекратить особый порядок и назначить рассмотрение дела в общем порядке (ч. 6 ст. 316 УПК РФ). Однако на практике такое решение принимается крайне редко.

Эти ограничения кардинальным образом меняют природу судебного усмотрения. Основная познавательная деятельность судьи переносится на стадию подготовки дела к судебному заседанию, где он, изучая письменные материалы уголовного дела, должен заранее сформировать убеждение об обоснованности обвинения и виновности подсудимого. Таким образом, решение о назначении судебного заседания в особом порядке является по своей сути предрешением вопроса о виновности, что создает объективное противоречие с принципом презумпции невиновности.

Центральным противоречием особого порядка является несоответствие между требованиями ч. 7 и ч. 5 ст. 316 УПК РФ. Часть 7 ст. 316 УПК РФ устанавливает: «Если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, он постановляет обвинительный приговор». Таким образом, суд обязан установить обоснованность обвинения, т. е. убедиться, что оно подтверждается совокупностью доказательств.

Однако ч. 5 той же статьи содержит прямой запрет: «Судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу». Возникает закономерный вопрос: каким образом суд может прийти к выводу об обоснованности обвинения, если ему запрещено исследовать доказательства, на которых это обвинение основано?

Как справедливо отмечает Ю. В. Грачева, «это противоречие является системным дефектом законодательной конструкции особого порядка. Суд оказывается в ситуации, когда он должен сделать вывод о виновности, не имея возможности проверить доказательства в условиях состязательной процедуры» [4, с. 215]. На практике это приводит к тому, что вывод об обоснованности обвинения автоматически вытекает из самого факта согласия подсудимого с обвинением, что подрывает гарантии справедливого правосудия.

Данное противоречие мы анализируем через призму гипотезы «субституционности (замещения) уголовного состязательного процесса». Суть этой гипотезы заключается в том, что на судебной стадии субъекты, имеющие привилегию легально оценивать доказательства (суд), не занимаются прямым сбором информации. Их задача — оценить уже готовую реконструкцию, созданную на досудебной стадии. Однако сама эта реконструкция до вынесения приговора не может считаться объективным юридическим фактом [5, с. 123].

В особом порядке эта проблема усугубляется тем, что суд не только работает с готовой реконструкцией, но и лишен возможности проверить ее качество в состязательной процедуре. Усмотрение суда становится «слепым» — оно основано не на непосредственном восприятии доказательств, а на доверии к качеству предварительного расследования и добросовестности стороны обвинения.

Анализ судебной практики подтверждает наличие этой проблемы. Так, в постановлении Президиума Оренбургского областного суда от 18 де-

кабря 2017 г. по делу № 44у-210/2017 было установлено, что указание суда апелляционной инстанции на отмену судебного решения в связи с тем, что выводы суда первой инстанции не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, противоречит положениям ч. 5 ст. 316 УПК РФ. Суд апелляционной инстанции не вправе требовать исследования доказательств, если дело было рассмотрено в особом порядке¹. Это решение демонстрирует, что законодательный запрет на исследование доказательств последовательно проводится в судебной практике, даже если это приводит к консервации возможных ошибок.

Фундаментальное противоречие особого порядка приводит к смещению центра тяжести судебного познания и формирования внутреннего убеждения судьи на стадию подготовки дела к судебному заседанию. Изменив объем процессуальных полномочий суда на стадии рассмотрения по существу уголовного дела, подлежащего рассмотрению в порядке гл. 40 УПК РФ, законодатель без прямого на то указания фактически изменил момент формирования у судьи внутреннего убеждения о виновности подсудимого в предъявленном ему обвинении.

На стадии подготовки (гл. 33 УПК РФ) судья принимает одно из важнейших дискреционных решений — о возможности рассмотрения дела в особом порядке. Для этого он должен проверить соблюдение условий, предусмотренных ст. 314 УПК РФ: заявление обвиняемого о согласии с предъявленным обвинением; совершение преступления, наказание за которое не превышает пяти лет лишения свободы; осознание обвиняемым характера и последствий заявленного ходатайства; добровольность заявления ходатайства после консультации с защитником; отсутствие возражений государственного или частного обвинителя и потерпевшего.

Однако, как подчеркивает Т. К. Рябинина, «пределы доказывания на стадии подготовки дела к судебному заседанию ограничены лишь запретом на решение вопроса о виновности обвиняемого в совершении преступления» [6, с. 112]. Изучая материалы дела для проверки формальных условий, судья неизбежно знакомится со всеми доказательствами обвинения. Поскольку доказатель-

¹ Постановление Президиума Оренбургского областного суда от 18.12.2017 по делу № 44у-210/2017 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/m1rO3SjXzsZv/?ysclid=mm1kl n24ed465585642>. (дата обращения: 24.02.2026).

ства защиты на данном этапе, как правило, отсутствуют или минимальны, у судьи формируется односторонняя картина происшествия, основанная на позиции стороны обвинения.

Это приводит к скрытому, а иногда и явному формированию обвинительного уклона еще до начала судебного разбирательства. Судья, по сути, вынужден дать предварительную оценку обоснованности обвинения, что является прямой прерогативой к будущему приговору.

Особую проблему представляет оценка «достаточности доказательств». Законодатель обязывает судью на стадии подготовки удостовериться в том, что обвинение подтверждается доказательствами, собранными по делу (п. 1 ч. 1 ст. 315 УПК РФ). Однако критерии этой «достаточности» в законе не определены. Судья действует по своему внутреннему убеждению, но без проведения состязательной процедуры его проверки. На практике это часто приводит к формальной проверке, когда судья ограничивается констатацией наличия в деле определенного набора доказательств, не анализируя их критически на предмет противоречий и недостатков.

Не менее сложной является проблема проверки добровольности ходатайства. Установление добровольности и осознанности ходатайства обвиняемого (п. 2 ч. 1 ст. 315 УПК РФ) также относится к дискреционным полномочиям судьи. Однако без тщательного допроса обвиняемого относительно мотивов его решения, без выяснения, не оказывалось ли на него давление, эта проверка часто становится фиктивной. Судья вынужден довольствоваться формальными ответами обвиняемого, данными в ходе краткого опроса, что также происходит на стадии подготовки.

Таким образом, решение о назначении судебного заседания в особом порядке, принимаемое на стадии подготовки, является по своей сути предрешением вопроса о виновности. Судья, внутренне убедившись в наличии оснований для постановления обвинительного приговора, фактически предопределяет исход дела, и последующее судебное заседание превращается в формальную процедуру, лишенную познавательного содержания.

Несмотря на выявленные противоречия, рассмотрение суда в особом порядке не является безграничным. Его реализация осуществляется в рамках строгой системы пределов, которая включает нормативные, процессуальные и субъективно-этические ограничители.

Нормативные пределы закреплены непосредственно в уголовно-процессуальном законе и носят императивный характер.

Во-первых, это исчерпывающий перечень условий применения особого порядка (ст. 314 УПК РФ): категория преступления (не более пяти лет лишения свободы), добровольность ходатайства, осознание последствий, согласие государственного или частного обвинителя и потерпевшего. Отсутствие хотя бы одного из этих условий исключает возможность применения особого порядка, и суд обязан назначить рассмотрение дела в общем порядке.

Во-вторых, это запрет на исследование доказательств (ч. 5 ст. 316 УПК РФ), который является абсолютным пределом, исключающим активную познавательную деятельность суда в судебном заседании. Суд не может по своей инициативе исследовать доказательства, даже если у него возникают сомнения в их достоверности или достаточности.

В-третьих, это запрет на оправдательный приговор, вытекающий из системного толкования норм гл. 40 УПК РФ. Этот запрет вынуждает суд прекратить особый порядок и назначить рассмотрение дела в общем порядке при возникновении сомнений в виновности. Однако, как отмечалось выше, на практике такое решение принимается крайне редко.

В-четвертых, это пределы назначения наказания, установленные ч. 7 ст. 316 УПК РФ: срок или размер наказания не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Суд при этом сохраняет дискреционные полномочия по выбору конкретного вида и размера наказания в пределах этого ограничения.

Процессуальные пределы связаны с процедурными гарантиями, обеспечивающими законность судебного разбирательства.

К ним относится обязательность проведения судебного заседания с участием сторон, несмотря на его упрощенный характер. Суд не может вынести приговор без проведения судебного заседания, даже если все условия соблюдены и стороны согласны на особый порядок.

Важным пределом является право подсудимого на защиту, которое должно быть обеспечено на всех стадиях, включая стадию заявления ходатайства об особом порядке. Суд обязан проверить, имел ли подсудимый возможность проконсультироваться с защитником, был ли защитник

реально допущен к участию в деле, не было ли ограничений его полномочий.

Особое значение имеет требование мотивировки приговора (ст. 307 УПК РФ), которое распространяется и на приговоры, постановленные в особом порядке. Суд обязан мотивировать свой вывод об обоснованности обвинения, а также изложить мотивы принятого решения по всем вопросам, подлежащим разрешению при постановлении приговора.

Субъективно-этические пределы связаны с личностью судьи, его профессиональным правосознанием и нравственными установками.

Центральное место здесь занимает внутреннее убеждение судьи, которое должно быть сформировано на основе тщательного изучения материалов дела на стадии подготовки. Внутреннее убеждение судьи — это сложный синтез рационального и иррационального, логического и интуитивного, профессионального знания и житейского опыта. В особом порядке, где отсутствует непосредственное исследование доказательств, роль внутреннего убеждения, сформированного на стадии подготовки, становится определяющей.

Важным пределом выступают принципы справедливости и гуманизма, которые не могут быть принесены в жертву процессуальной экономии. Даже при формальном соблюдении всех условий особого порядка судья обязан оценить, не приведет ли вынесение приговора в упрощенной процедуре к несправедливому результату. Если у судьи возникают сомнения в справедливости такого результата, он должен отказаться от применения особого порядка.

Анализ судебной практики и теоретических источников позволяет выявить ряд системных проблем реализации судебного усмотрения в особом порядке.

Проблема формального подхода к проверке обоснованности обвинения. На практике суды часто ограничиваются формальной констатацией наличия в материалах дела определенного набора доказательств, не анализируя их критически на предмет противоречий и недостатков. Как отмечает Н. Ю. Волосова, «суды часто подходят к проверке обоснованности обвинения как к чисто технической процедуре, не требующей глубокого погружения в содержание доказательств» [7, с. 45]. Это приводит к тому, что обвинительный приговор выносится даже в тех случаях, когда доказательства обвинения противоречивы или недостаточны.

Проблема недостаточной мотивировки приговоров. Приговоры, постановленные в особом по-

рядке, часто содержат шаблонные формулировки, не раскрывающие конкретных мотивов, по которым суд пришел к выводу об обоснованности обвинения. Типичным является указание: «Обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно и подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу». Такая формулировка не позволяет проверить, насколько тщательно суд исследовал материалы дела и какие именно доказательства он счел достаточными.

Проблема ограничения права на оправдание. Запрет на постановление оправдательного приговора в особом порядке создает ситуацию, в которой судья, даже при возникновении сомнений в виновности, вынужден либо выносить обвинительный приговор, либо прекращать особый порядок. Второй вариант сопряжен с определенными процессуальными издержками: дело направляется для рассмотрения в общем порядке, что увеличивает сроки судопроизводства и создает дополнительную нагрузку на суд. Это может удерживать судей от принятия такого решения даже при наличии обоснованных сомнений.

Проблема оценки добровольности ходатайства. Установление добровольности и осознанности ходатайства обвиняемого также относится к дискреционным полномочиям судьи. Однако без тщательного допроса обвиняемого относительно мотивов его решения, без выяснения, не оказывалось ли на него давление, эта проверка часто становится фиктивной. На практике суды редко углубляются в исследование вопроса о добровольности, ограничиваясь формальным вопросом: «Подтверждаете ли вы, что ходатайство заявлено добровольно и после консультации с защитником?».

Проблема «конвейерного» правосудия. Высокая доля дел, рассматриваемых в особом порядке, создает риск превращения судебного разбирательства в формальную процедуру, где приговоры постановляются без глубокого анализа индивидуальных обстоятельств дела. Как справедливо отмечает Л. В. Головкин, «когда более половины дел рассматривается в порядке, исключающем исследование доказательств, это неизбежно ведет к деформации правосознания судей и снижению стандартов правосудия» [2, с. 32].

Для преодоления выявленных противоречий и повышения эффективности реализации судебного усмотрения в особом порядке представляется необходимым комплексное совершенствование как законодательного регулирования, так и правоприменительной практики.

На законодательном уровне целесообразно следующее.

1. Уточнить критерии «достаточности доказательств» в ст. 315 УПК РФ. Необходимо внести в закон положение о том, что судья при решении вопроса о назначении особого порядка должен убедиться не только в формальном наличии доказательств, но и в отсутствии неустранимых противоречий, ставящих под сомнение виновность обвиняемого [8, с. 18]. Нужно не просто формальное перечисление доказательств, а мотивированное изложение судом, почему он считает эти доказательства достаточными и непротиворечивыми для подтверждения каждого элемента состава преступления.

2. Закрепить более детальную процедуру проверки добровольности ходатайства на стадии подготовки. Представляется целесообразным предусмотреть обязательный подробный опрос подсудимого судьей с выяснением всех обстоятельств, побудивших его заявить ходатайство, включая вопросы о наличии давления и качестве юридической помощи. Результаты такого опроса должны фиксироваться в протоколе судебного заседания.

3. Предусмотреть возможность частичного исследования доказательств в судебном заседании в особом порядке, если у суда возникают сомнения в отдельных обстоятельствах дела, влияющих на квалификацию или наказание, без обязательного перехода к общему порядку. Например, суд мог бы по своей инициативе допросить подсудимого для уточнения обстоятельств, имеющих значение для назначения наказания, или истребовать дополнительные характеризующие материалы.

4. Расширить пределы усмотрения при назначении наказания в особом порядке. Целесообразно рассмотреть возможность предоставления суду права при наличии исключительных обстоятельств назначать наказание ниже низшего предела (по аналогии со ст. 64 УК РФ) или применять условное осуждение в случаях, выходящих за стандартные рамки, даже в особом порядке.

На уровне правоприменительной практики необходимо:

1. Разработать и утвердить Верховным Судом Российской Федерации разъяснения, детализирующие порядок проверки обоснованности обвинения в особом порядке, с акцентом на необходимость критического анализа материалов дела на стадии подготовки [6, с. 117]. В этих разъяснениях следует указать, что суд не может ограничиваться формальным перечислением доказательств, а обя-

зан дать им содержательную оценку с точки зрения непротиворечивости и достаточности.

2. Повысить стандарты мотивировки приговоров, постановленных в особом порядке. В приговоре следует отражать не только формальное соблюдение условий гл. 40 УПК РФ, но и краткий анализ доказательств, которые легли в основу вывода об обоснованности обвинения. В приговоре суд обязан изложить мотивы, по которым он принял или отверг доказательства, оценил те или иные обстоятельства, пришел к выводам о виновности (невиновности) и назначил конкретное наказание.

3. Стимулировать судей к более активному использованию права на прекращение особого порядка при возникновении малейших сомнений в виновности или добровольности ходатайства [9, с. 18]. Такое решение должно рассматриваться не как недостаток работы судьи, а как гарантия соблюдения прав личности и проявление профессиональной ответственности. В этих целях возможно внесение изменений в систему оценки деятельности судей, исключающих негативное влияние на показатели работы решений о прекращении особого порядка.

4. Обеспечить реальное участие защитника на стадии заявления ходатайства об особом порядке. Следует исключить ситуации, когда защитник формально присутствует при заявлении ходатайства, но не оказывает подсудимому реальной юридической помощи [10; 11]. В этих целях возможно закрепление обязанности защитника представить письменное заключение об обоснованности применения особого порядка с анализом доказательственной базы.

Анализ проблем реализации судебного усмотрения в особом порядке позволяет определить перспективы дальнейшего развития данного института.

Представляется, что дальнейшая эволюция особого порядка должна идти по пути дифференциации процедуры в зависимости от сложности уголовного дела и объема доказательственной базы. Возможно выделение двух форм особого порядка: упрощенной (для очевидных преступлений с минимальным объемом доказательств) и усложненной (для дел средней тяжести, где требуется более тщательная проверка обоснованности обвинения).

Другим перспективным направлением является расширение диспозитивных начал с одновременным усилением гарантий прав личности. Например, можно предусмотреть возможность заключе-

ния соглашения о признании вины с определением конкретного наказания, которое будет обязательным для суда при условии тщательной проверки добровольности такого соглашения и его соответствия интересам правосудия [6, с. 28].

Важным направлением является цифровизация процедуры особого порядка, включая создание электронных шаблонов приговоров, автоматизированную проверку соблюдения условий применения особого порядка, использование систем поддержки принятия решений для оценки достаточности доказательств.

Наконец, необходимо совершенствование системы судебного контроля за законностью и обоснованностью приговоров, постановленных в особом порядке. Вышестоящие суды должны более тщательно проверять не только формальное соблюдение процедуры, но и содержательную сторону решений, включая оценку достаточности доказательств и мотивировку выводов суда.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд итоговых выводов.

Особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный главой 40 УПК РФ, является одним из наиболее востребованных процессуальных институтов, однако его реализация сопряжена с серьезными противоречиями, затрагивающими фундаментальные основы правосудия.

Центральным противоречием является несоответствие между обязанностью суда установить обоснованность обвинения (ч. 7 ст. 316 УПК РФ) и законодательным запретом на исследование и оценку доказательств в судебном заседании (ч. 5 ст. 316 УПК РФ). Это противоречие приводит к смещению центра тяжести судебного познания и формирования внутреннего убеждения о виновности

на стадию подготовки к судебному заседанию, что создает риски обвинительного уклона и формализма.

Система пределов судебного усмотрения в особом порядке, включающая нормативные, процессуальные и субъективно-этические ограничители, в целом выполняет свою сдерживающую функцию, но не в полной мере предотвращает возможные злоупотребления и ошибки. Наиболее проблемными аспектами остаются формальный подход к проверке обоснованности обвинения, недостаточная мотивированность приговоров, ограничение права на оправдание.

Для обеспечения соответствия особого порядка целям правосудия необходим пересмотр сложившейся практики в сторону усиления гарантий прав личности. Это предполагает как внесение точечных изменений в уголовно-процессуальное законодательство, направленных на углубление проверочной деятельности суда на стадии подготовки, так и изменение правоприменительного подхода, при котором процессуальная экономия не будет доминировать над требованием законности и справедливости судебного решения.

Задача законодателя, науки и судейского сообщества состоит в том, чтобы не допустить окончательной «процедурализации» правосудия, сохранив в особом порядке пространство для содержательного, информированного и гуманного судебного усмотрения, которое остается краеугольным камнем справедливого судебного разбирательства. Только в этом случае особый порядок сможет быть не просто «судебным конвейером», а эффективным и справедливым инструментом разрешения уголовно-правовых конфликтов.

1. Азарова Е. С. Судебное усмотрение в уголовном процессе: алгоритмы и практика реализации. Москва: Русайнс, 2026. 204 с.

2. Головки Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15—25.

3. Азарова Е. С. Теоретические основы усмотрения в уголовном процессе. Волгоград: ВолГУ, 2013. 184 с.

4. Грачева Ю. В. Судейское усмотрение в применении уголовно-правовых норм: проблемы и пути их решения. Москва: Проспект, 2013. 376 с.

1. Azarova Ye. S. Judicial discretion in criminal procedure: algorithms and implementation practice. Moscow: Rusains; 2026: 204. (In Russ.).

2. Golovko L. V. Digitalization in criminal procedure: is it local optimization or global revolution? Journal of Economic Security, 15—25, 2019. (In Russ.).

3. Azarova Ye. S. Theoretical foundations of discretion in criminal procedure. Volgograd: the Volgograd State University; 2013: 184. (In Russ.).

4. Grachyeva Yu. V. Judicial discretion, while applying criminal and legal norms: problems and solutions. Moscow: Prospect; 2013: 376. (In Russ.).

5. Азарова Е. С. Механизм формирования судебного усмотрения // Закон и право. 2022. № 7. С. 122—125.

6. Рябинина Т. К. Деятельность суда по назначению и подготовке уголовного дела к судебному заседанию в механизме реализации судебной власти. Москва: Юрлитинформ, 2021. 216 с.

7. Волосова Н. Ю. Цифровизация правосудия: перспективы и опасности // Социально-политические науки. 2022. № 3. С. 58—63.

8. Пашкевич П. Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. Москва: Юрид. лит., 1984. 175 с.

9. Бозров В. М. О проблеме справедливости в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2005. № 4. С. 15—18.

10. Панько Н. К. Проблема справедливости в уголовном судопроизводстве // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2008. № 1. С. 262—269.

11. Россинский С. Б. Концептуальные основы формирования результатов невербальных следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу. Москва: Юрлитинформ, 2015. 224 с.

Азарова Екатерина Сергеевна,

доцент кафедры уголовного права и процесса
Волгоградского государственного
университета,
кандидат юридических наук;
aes2404@yandex.ru

5. Azarova Ye. S. Mechanism to form judicial discretion. Law and right, 122—125, 2022. (In Russ.).

6. Ryabinina T. K. Activities of the court on appointing and preparing a criminal case for a trial in the mechanism for implementing judicial authority. Moscow: Yurlitinform; 2021: 216. (In Russ.).

7. Volosova N. Yu. Digitalization of justice: prospects and risks. Social and political sciences, 58—63, 2022. (In Russ.).

8. Pashkevich P. F. Procedural law and the efficiency of criminal proceedings. Moscow: Legal Literature; 1984: 175. (In Russ.).

9. Bozrov V. M. On the problem related to fairness in the criminal proceedings. Russian Judge, 15—18, 2005. (In Russ.).

10. Panko N. K. Problem of justice in the criminal proceedings. Journal of the Voronezh State University. Law Series, 262—269, 2008. (In Russ.).

11. Rossinsky S. B. Conceptual foundations to form the results of non-verbal investigative and judicial actions in proving a criminal case. Moscow: Yurlitinform; 2015: 224. (In Russ.).

Azarova Yekaterina Sergeyevna,

associate professor at the department
of criminal law and procedure
of the Volgograd State University,
candidate of juridical sciences;
aes2404@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.03.2026; одобрена после рецензирования 15.03.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 10.03.2026; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *